

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический университет»

докт. пед. наук, проф. А.М. Коротков

«18» января 2019 г.

Отзыв

ведущей организации – ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» о диссертации Ольги Геннадьевны БОРИСОВОЙ «Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2018. 582 с. + 27 с. приложений

Русский диалектный континуум представляет собой сложное лингвальное образование, находящееся в постоянном развитии, междиалектном и межъязыковом взаимодействии, процессах сближения с литературным языком и городским просторечием и отталкивания от них, утраты одних фонетических, грамматических, деривационных, лексико-семантических особенностей и обретения новых и т. п. Новые условия существования народного языка требуют выработки современных принципов и методик анализа диалектного материала, осмысления традиций и новаций в народной речи. Прежде всего, следует включить исследование диалектов в этнолингвистические парадигмы, осознать, что диалектоноситель формирует в своём лингвосознании представления об используемой им речи и об отнесения себя и своей социальной группы к определённом этносу, а своего диалекта – к тому или иному идиому.

Известны, например, споры о языковой границе между русскими и белорусскими диалектами в пограничье, которые могут быть разрешены в зависимости от этнического и языкового самоощущения диалектоносителей: если они считают себя русскими и свой язык русским, то на территории их проживания функционируют говоры юго-западной зоны русского диалектного континуума, в обратном случае речь идёт о северо-восточных диалектах белорусского языка. Собственно лингвистические данные при этом становятся второстепенными, уступают этнопсихологическим.

Сложнее провести анализ народной речи при диссонансе в сознании носителя диалекта восприятия своей этнической и лингвальной принадлежности. Так, в Волгоградской области существует несколько десятков поселений, основанных украинцами. В них сохранился в достаточно устойчивой форме украинский диалект, при этом его носители при всех переписях и опросах относят себя к русскому народу, выделяя обычно себя в его составе как субэтнос *хохлы* (часто с аканьем – *хахлы*), а свой диалект называя *хохлячим* или *хохлацким*, но считая (с некоторыми оговорками) его составной частью русского языка. При этом возникает ещё одна несогласованность между самоопределением носителей этих говоров и их восприятием со стороны жителей окружающих населённых пунктов, в которых бытуют собственно русские диалекты. Последние однозначно относят украиноязычных соседей к украинскому народу.

В чём-то эта ситуация сходна с исследуемой в рецензируемой диссертации. О.Г. Борисова выделяет на диалектной карте Кубани восток и юго-восток края, где преобладают говоры с южнорусской языковой основой, – 15 районов, запад и юго-запад, где отмечены говоры с украинской языковой основой, – 22 района (с. 21). Однако при этом большинство жителей осознаёт себя как единый субэтнос – *кубанские казаки* и включает его в состав русского народа. Об этом свидетельствуют и цифровые данные: украинцы составляют лишь 1,6% населения Кубани (с. 34), тогда как украинским диалектом (по терминологии автора диссертации, кубанским говором с украинской языковой основой) пользуется значительное большинство сельского населения региона. Можно предположить, что отмеченные 1,6% жителей Краснодарского края являются недавними переселенцами с Украины, тогда как потомки казаков Черноморского казачьего войска считают себя русскими.

Лингвальная двуприродность одного субэтноса заставляет искать особые пути анализа диалектного материала, что и было сделано в диссертации соискательницы. Эта двуприродность сыграла злую шутку с политиками и людьми, далёкими от лингвистики, которые попытались внедрить в регионе изучение так называемой балачки, забыв или не зная о том, что для трети жителей Кубани она является малопонятной и не соответствующей их южнорусскому родному диалекту.

Рецензируемая работа О.Г. Борисовой продолжает развивать традиции отечественной диалектологии и этнолингвистики, выделяя и систематизируя параметры содержания и общего состояния лексики и фразеологии кубанских говоров в синхронии, классифицируя их идеографическую организацию, вносит свой вклад в изучение динамики лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта и консервации её важнейших компонентов, в определённом смысле касается проблем взаимодействия языка и культуры, в исследование особенностей функционирования диалектов сложного генезиса в русском языковом континууме. По справедливому замечанию О.Г. Борисовой, кубанскому диалекту присущи внутренние динамика и статика, которые способствуют

как эволюции его лексико-фразеологического состава, так и сохранению важнейших составляющих прежнего состояния (с. 5).

Рецензируемая работа является **актуальной** ещё и потому, что в настоящее время одним из ведущих направлений в методике обучения русскому языку как родному, как второму родному, как неродному и как иностранному является изучение коммуникативного поведения, определяемого как «совокупность норм и традиций общения народа» (Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000, с. 4). Исследование культуроспецифичности диалектных слов и фразем и особенностей их семантики имеет большое практическое значение для осмысления перспектив лингводидактического использования рассматриваемого языкового феномена.

В работе впервые лексика и фразеология кубанских говоров рассматриваются в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы, модель которой отражается в составленном автором первом в кубанской лексикографии полисистемном Словаре кубанских говоров, реализующим дифференциальный и недифференциальный подходы в презентации материала, чем и определяется **научная новизна** исследования (с. 8).

Во введении соискательница достаточно обстоятельно определяет **актуальность** (с. 4-5), называет **объект** и **предмет** исследования (с. 5), формулирует свою **гипотезу** (с. 5). О.Г. Борисова точно называет **цель** и **задачи** диссертации (с. 5-6). Не все формулировки задач соотносятся с положениями, выносимыми на защиту, и с выводами, однако в целом эта необходимая часть сочинения соответствует предъявляемым к ней требованиям.

В качестве **материала** заявлены данные Словаря кубанских говоров, составленного на основании 13-летних полевых записей автора и руководимых ею групп студентов и магистрантов (с. 6-7). Обычно в данной части работы приводятся точные цифровые данные проанализированного материала, достаточно было привести количество единиц, включённых в указанный словарь, но автор вполне убедительно говорит о количественной неопределённости словарного состава диалекта (с. 69), упоминая об отсутствии границ между «ещё живыми» и «уже умершими» лексемами и фраземами, между неологизмами и окказионализмами. В тексте называются также другие лексикографические источники, даётся их критический анализ (с. 269-270).

В диссертации используются адекватные цели и задачам **методы**: описательный, сравнительно-сопоставительный, интерпретационно-дефиниционный, ареальный, метод компонентного анализа (с. 7). Каждый из них апробирован в лингвистике, имеет чётко выделяемые методики исследования, соискательница применяет их уместно и в достаточном объёме, что позволяет ей прийти к убедительным выводам. Исследовательница разработала метод моделирования диалектных систем, который «делает возможным, во-первых, систематизировать довольно

обширный языковой материал, во-вторых, создаёт необходимые условия для его презентации в одном лексикографическом издании, предоставляющем надёжную базу для обобщающих разноаспектных научных изысканий» (с. 262). Автор упоминает также об элементах статистического метода: вряд ли простой подсчёт цифровых данных может быть отнесён к сложным статистическим приёмам и формулам.

Кратко, но чётко и непротиворечиво определена в исследовании **теоретическая и практическая значимость** работы (с. 9). Соискательница справедливо утверждает, что результаты исследования процессов смешения кубанских говоров на лексическом уровне могут быть использованы при разработке теоретических основ диалектной лексической контактологии. Теоретической базой исследования заявлено учение Р.И. Аванесова о диалектном языке и диалектных различиях. Упомянуты также фамилии других российских диалектологов (с. 7), в списке почему-то отсутствуют А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков и др. составители Диалектологической карты 1914 года, на которую опирается первое защищаемое положение.

Убедительно описана в диссертации **апробация** исследования: О.Г. Борисова выступила на международных и всероссийских конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Сочи, Краснодаре, Волгограде, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Майкопе, Ставрополе, она являлась постоянным участником Всероссийских диалектологических совещаний по ЛАРНГ в ИЛИ РАН. Её исследование кубанских говоров в разные годы было поддержано шестью грантами РГНФ (с. 17-19).

Обстоятельно сформулированы соискательницей **положения**, выносимые на защиту (с. 10-16). Их всего 13, что не вполне координируется с девятью задачами и с содержанием заключения, но в целом все положения убедительно подтверждаются анализом в шести главах диссертации.

В *первом* положении доказывается возможность включения кубанских говоров украинского типа в русский диалектный континуум (с. 10). Если рассуждения об этническом самосознании местных жителей, в большинстве своём идентифицирующих себя не как украинцев, а как россиян, кубанцев, уместны и определяют сложность выявления и описания лингвальной двуприродности субэтнуса, то использование в качестве аргумента теоретических разработок и картографических материалов «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» 1915 года выглядит явным анахронизмом.

Второе положение определяет кубанский диалект как оригинальный локальный идиом смешанного типа. При этом устанавливается, что он имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и практически монодиалектную лексико-фразеологическую систему. Рассмотренные в диссертации примеры говорят о том, что на фонетико-фонологическом уровне смешение двух систем не обнаруживается. В своё время при

рассмотрении украинских говоров Волгоградской области мы определили в качестве критериев скорости и результатов ассимилятивных процессов в них устойчивость фонетической системы: если в говоре отмечено оканье, твёрдое произношение согласных перед [э], твёрдость заднеязычных перед [ы], то данный говор можно отнести к украинским, если эти фонетические явления отсутствуют, то ассимиляция завершена и говор является русским. Думается, что грамматические и деривационные системы двух групп говоров обладают достаточной степенью однородности: такие явные черты украинской морфологии, как вторая палатализация в именном склонении, быстро исчезают в окружении русских говоров и в рамках общей тенденции выравнивания парадигмы.

Что же касается гомогенности лексико-семантической системы, то это является закономерным процессом, поскольку лексика является легко проницаемым уровнем, что находит многочисленные примеры в лингвогенезе различных языков (церковнославянизмы в русском языке, арабизмы в персидском языке, нынешняя экспансия американизмов во многие языки мира и пр.). Дополнительными стимулами к единству лексики русских и украинских говоров стали общность социального устройства кубанских казаков, особенностей их воинской службы и сходные условия природы, флоры и фауны, их крестьянского быта. Исследовательница говорит об этом в *пятом* положении, которое можно было бы в более кратком изложении соединить со вторым.

Третье положение предполагает доказательство того, что кубанский диалект является единицей лингвоэтнографического членения, диалектом позднего образования, обладающим определёнными этнографическим и языковыми особенностями, присущими его носителям: кубанскому казачеству, а также восточнославянскому населению, проживающим на территории Краснодарского края. Не очень понятно, как отмеченное неказачье население края обрело этнографические и языковые особенности кубанских казаков. Исследовательница пишет, что культурные традиции иногородних изучены лишь фрагментарно (с. 31), ссылается на исследование советского времени, согласно которому иногородние после отмены сословного деления влились в этнографическую группу казачества (с. 33). Однако собранный и проанализированный материал показывает, что это утверждение приукрашает действительность. Между субэтносом кубанских казаков и неказачьим населением Кубани не произошло слияния, пришлые люди не стали частью субэтноса. При этом обнаруживается ещё одно свидетельство двуприродности кубанского субэтноса, проявляемое и на лексическом уровне. Если на Дону неказаков именовали иногородними, кацапами и мужиками (слова *пихра*, *чига*, *сипа* вышли из употребления), то на Кубани, помимо этих же лексем, по отношению к не входящим в казачье сообщество людям использовали коннотативно окрашенные единицы *гамсел* (*гамзел*, *гамцел*, *хамсел*), *галмес*, *мугырь*, *городовик*, *русанет*, *хохол*, *проезжий*, *наездный*, *водоплавный* и др. Судя по контекстам, одни из них употреблялись в

украиноязычными казаками, другие – русскоязычными.

И здесь весьма важно использование лингвокультурного анализа собранного лексико-фразеологического материала. В своё время при сборе лексики и фразеологии для Словаря донских говоров Волгоградской области мы несколько раз приезжали в населённые пункты, основанные иногородними. Их жители полностью перешли на донской казачий диалект, в том числе использовали такое специфическое фонетическое явление, как щёканье (дезаффрикация [ч']), однако в описании обычаев, традиций, привычек, мироощущения местных поселенцев наблюдалось резкое отличие от донских казаков. Лингвокультурные характеристики не позволили нам включить собранный в этих селениях материал в словарь.

В *четвёртом* положении соискательница выделяет в диалектологии самостоятельную научную дисциплину – *диалектную контактологию*, анализирующую на всех языковых уровнях процессы адаптации двух или более контактирующих говоров, вызванные их взаимовлиянием и облигаторным воздействием литературного языка. Вероятно, эта дисциплина будет полезна для анализа взаимодействия позднепереселенческих говоров разного типа (для русского языка – севернорусских и южнорусских), оказавшихся по соседству, поскольку исконные (материнские) диалекты являются частью диалектного континуума, который предполагает непрерывность, постепенность, плавность перехода от одного говора к другому, отсутствие чётких границ между соседними диалектами. В лингвистике, начиная с У. Вайнрайха и Э. Хаугена, контактология занимается проблемами взаимодействия разных языков (см.: Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко; вступит. ст. В.Н. Ярцевой. – К.: Вища школа, 1979. – 264 с.). Предлагаемая О.Г. Борисовой диалектная контактология будет весьма полезной при анализе состояния диалектного взаимодействия в близкородственном языковом пограничье (например, польско-чешском в Силезии, русско-украинском в Воронежской и Харьковской областях, украинско-белорусском в Полесье и на Берестейщине и пр.).

В *шестом* положении исследовательница даёт определение лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров, понимаемой как обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное образование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагматико-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом. Данное определение корректно и может быть поддержано.

Седьмое, восьмое, девятое и десятое положения рассматривают различные аспекты функционирования лексических и фразеологических единиц в рамках единого полисистемного словаря. О.Г. Борисова выделяет архаизацию, неологизацию, реактуализацию, расщепление коннотации, структурное и семантическое варьирование лексических и

фразеологических единиц в кубанских говорах. Автором разработан особый лексикографический жанр – лексорассказ, представляющий собой выделенный лексикографом из рассказа информанта микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи. Основой словаря является бытовая, этнографическая, а также экспрессивная лексика и фразеология, в которых отражаются идеалы и аксиологические представления кубанских казаков, материальная и духовная культура региона, его природные условия. Соискательница выявляет слова-локализмы, которые выражают языковое творчество их носителей, а также играют важную роль в организации синхронной диалектной лексической системы.

Три последних положения (*одиннадцатое, двенадцатое и тринадцатое*) касаются внутреннего устройства лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта. Автор составляет схему идеографической организации лексики и фразеологии макрополя «Человек», которое моделируется как аналог тематического словаря. Разделяя лексику и фразеологию кубанских говоров на активную и пассивную, О.Г. Борисова в последней выделяет актуальные и неактуальные историзмы, собственно архаизмы, архаизмы передового слоя носителей говоров, актуальные и неактуальные неологизмы, что позволяет ей в динамике проследить системные количественные и качественные изменения в лексико-фразеологической макросистеме изучаемых говоров и прогнозировать её дальнейшее развитие. Несколько смущает оценочное именование представителей новых поколений диалектоносителей *передовым слоем*. Основатель Волгоградской этнолингвистической школы проф. Л.М. Орлов считал возможным говорить о пяти функциональных стилях в исследуемых говорах: 1) обиходно-разговорном, 2) профессионально-техническом, 3) официально-деловом, 4) общественно-публицистическом, 5) народно-поэтическом (Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Опыт социолого-лингвистического исследования на материале донских и волжских говоров: Автореф. дис. <...> д-ра филол. наук. М., 1970. С. 23). В каждом из стилей в разной степени находят своё место собственно диалектные единицы. Думается, что эти наблюдения могут быть применены и к кубанским говорам.

Как видим, некоторые положения, выносимые на защиту, могут быть объединены, более компактно изложены, что придаст им большую стройность и доказательность. В целом, однако, эта часть диссертационного исследования свидетельствует о глубокой проработке соискательницей собранного материала, о собственном видении актуальных этнолингвистических процессов, что заслуживает одобрения и поддержки.

Автор прекрасно знает своих научных предшественников:

упоминания о работах по диалектологии, этнолингвистике, лингвокультурологии и т.п. отмечены практически на каждой странице диссертации (с. 3, 7, 12, 25-36 и т.д.). Список использованной литературы и словарей содержит 371 позицию, из них 1 на английском и 1 на французском языке (обе недостаточно точно описаны библиографически). Среди словарей упомянуты 5 изданий на украинском языке. Диссертация содержит 6 приложений: условные сокращения, список районов Краснодарского края с индексами по ЛАРНГ, перечень полевых экспедиций (2005-2017), география сбора диалектного материала, вопросник для проведения ассоциативного эксперимента, идеографическая презентация отдельных микрополей макрополя «Человек» (с. 583-609).

Исследовательница настаивает на том, что кубанские говоры являются диалектами смешанного типа (с. 5, 6, 8-11 и др.), ссылаясь на не очень ясную формулировку Ф.П. Филина: «<...> смешанный же говор – механическое соединение, заимствование некоторых элементов языка одним говором у другого» (Филин Ф.П. Исследование о лексике русских народных говоров: По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.; Л., 1936. С. 96-97). Трудно себе представить подобную механически образованную лингвальную общность. Среди лингвистов часто высказывается сомнение в существовании смешанных языков (см. мнение представителя Московской школы компаративистики О.А. Мудрака, ещё в XIX веке об этом же говорил Макс Мюллер и др.). Иногда к смешанным языкам относят белорусскую трасянку и украинский суржик, но данные явления не имеют чёткого лингвального статуса, тексты на них возникают каждый раз спонтанно, заново, содержат произвольный набор единиц двух контактирующих языков, имеют весьма расплывчатые, неустойчивые общие черты. Что же касается разносистемных диалектов, то, возможно, следует говорить об их взаимодействии, кооперации, при которой объединяются лексико-фразеологические системы, сближаются грамматические и деривационные модели, но сохраняет свой разнородный статус фонетико-фонологический уровень.

В диссертации кратко рассказывается об истории кубанских казаков и Краснодарского края (с. 20 и др.). Было бы уместно сказать о том, что основателями казачества на Кубани были волжские и хопёрские казаки, которые в 1777 году были поселены на Азово-Моздокскую (Кавказскую) укрепленную линию. Они принесли с собой донской диалект русского языка, хорошо сохранившийся у линейных казаков. Первоначально предполагалось переселение на Кубань значительной части донских казаков, но те воспротивились, и тогда атаман Антон Андреевич Головатый в 1793 году в западную часть Кубани начал переселение из Буджака (земель вдоль побережья Чёрного моря между реками Днестр и Буг) бывших запорожских казаков, объединение которых незадолго до этого получило название «Черноморское казачье войско». 40 куреней (около 25 тысяч человек) черноморцев переселились на кубанские земли. Они говорили на украинском диалекте, а при оформлении письменной речи

писали на русском или украинском языках.

О сохранности донского говора у казаков-линейцев свидетельствуют тексты, написанные кубанскими писателями зарубежья. В книге уроженца станицы Брюховецкой Ейского уезда Кубанской области (ныне район Краснодарского края) Д.Е. Скобцова-Кондратьева «Гремучий родник» (Париж, 1938. 310 с.) используются лексические единицы, фраземы, описание обычаев и традиций, совпадающих с донскими, включёнными в Словарь донских говоров Волгоградской области (см. об этом: Брысина Е.В., Супрун В.И., Алещенко Е.И. Лингвокультурное пространство казачьего Подонья: монография. – Волгоград: изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. С. 9-10).

О.Г. Борисова пишет о кубанском языке (с. 28). Хотелось бы уточнить, о каком лингвальном образовании идёт речь. Если имеется в виду *балачка*, о которой упоминается в диссертации (с. 40, 270, 372, 445), то она не используется потомками казаков-линейцев, вероятно, и поздними переселенцами из русских губерний на Кубань. Интересно было бы проследить современное состояние говоров потомков линейных казаков, их связь с донскими говорами, а также с единым континуумом русского казачьего диалектного пространства, продолжение которого можно найти в других казачьих говорах от Урала до Забайкалья, естественно, с проявлениями лексико-семантических и фразеосемантических инноваций в результате удалённого проживания, физико-географических характеристик территории, межэтнических контактов и междиалектного взаимодействия.

Возникает вопрос о правилах транскрипции диалектных слов, употребляемых в кубанских говорах с украинской языковой основой. Записи по правилам русской диалектной транскрипции с *ы, и, э, йи* и пр. (*Ну папа жэ рижэ хлиб, а мама насыпае в тарилку; Чурэжы робылы; Шо йилы у войну?*) выглядят несколько странно.

Высказанные замечания не снижают общего благоприятного впечатления от рецензируемой работы, они направлены на уточнение ряда деталей, не затрагивают основного содержания исследования и, на наш взгляд, полезны для публичной дискуссии. В целом диссертация содержит новое решение актуальных научных задач, имеющих существенное значение для разработки проблем этнолингвистики, лингвокультурологии, диалектологии и др. Выводы и материал исследования могут быть использованы в вузовской и школьной практике преподавания русского языка, русской диалектологии, этнолингвистики, лингвокультурологии, истории Кубани и пр.

Представленная на соискание учёной степени доктора филологических наук диссертация О.Г. Борисовой «Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация» является самостоятельным серьёзным научно-квалификационным исследованием. Научное сочинение отвечает критериям, указанным пп. 9-13 положения «О порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 №842 (в редакции от 26.03.2016 №237).

Автореферат (43 с.) и публикации (60 позиций, включая 4 монографии и 15 статей в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК МОН РФ) отражают основные научные идеи и практические результаты исследования. Текст автореферата и текст диссертационного исследования согласованы между собой и не противоречат друг другу. Работа соответствует паспорту специальности. Автор диссертации Ольга Геннадьевна БОРИСОВА заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором В.И. Супруном, заслушан и утверждён на заседании кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (протокол №5 от 18 января 2019 г.).

Заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» доктор филологических наук, профессор, доцент К.И. Декатова

Подпись К.И. Декатовой заверяю:
учёный секретарь учёного совета ФГБОУ ВО «ВГСПУ»,
кандидат психологических наук, доцент
18.01.19

О.А. Карпушова

Контактные данные заведующей кафедрой русского языка и методики его преподавания ВГСПУ доктора филологических наук, профессора, доцента Кристины Ивановны Декатовой:

Адрес: пр. Ленина, 27, 400005, Волгоград
Телефон: +7-(8442)-60-28-25
e-mail: rusyaz@vspu.ru

Данные о составителе отзыва:

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Адрес: пр. Ленина, 27, 400005, Волгоград
Телефон: +7-(8442)-60-28-25
e-mail: suprun@vspu.ru